Огонёк
№ 25-26 1944 год.

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

РОЖДЕНИЕ «ВИШНЕВОГО САДА»

(По новым материалам)

А. Дерман

А. П. Чехов и А. М. Горький (стоят в последнем ряду) среди артистов Художественного театра. Снимок сделан в Ялте в 1900 году.

В октябре 1903 года Чехов кончал в Ялте работу над своей последней пьесой, «Вишнёвый сад». В. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский, создатели Московского Художественного театра, который существовал всего пять лет, но успел уже завоевать славу главным образом на постановках чеховских пьес, проявляли нетерпение и торопили Антона Павловича. Но Чехов был тяжко болен, работа у него то и дело прерывалась... Кроме того его самокритика к этому времени уже переходила границы всякой строгости. Сообщая в письмах, что пьеса уже совершенно готова и в ближайшие дни будет послана, он принимался заново переделывать те или иные сцены, и конец работы опять отодвигался.

Этот творческий процесс отражается в переписке Чехова с женой, артисткой МХАТ О. Л. Книппер, вместе со всей труппой проявлявшей нетерпение и торопившей автора. 9 октября Антон Павлович сообщал жене: «Переписываю пьесу, скоро кончу, голубчик, клянусь в этом. Как пошлю, буду телеграфировать. Уверяю тебя, каждый лишний день только на пользу, ибо пьеса становится всё лучше и лучше и лица уже ясны. Только вот боюсь, есть места, которые может почёркать цензура, это будет ужасно... Родная моя, голуба, дуся, лошадка, не беспокойся, уверяю тебя, всё не так дурно, как ты думаешь, всё благополучно вполне. Клянусь, что пьеса готова, уверяю тебя тысячу раз; если не прислал до сих пор, то потому только, что переписываю слишком медленно и переделываю по обыкновению во время переписки».

12 октября О. Л. Книппер писала в Ялту: ««Вишнёвый сад» ждут с адским нетерпением. Время идёт зря, и ничего не работают и волнуются. Начинать что-либо другое не стоит, т. к. всё-таки скоро надеются приняться за «Вишни», а время-то идёт».

Но дело близилось к концу, и в тот же самый день, 12 октября, Антон Павлович писал к жене: «Итак, лошадка, да здравствует моё и ваше долготерпение! Пьеса уже окончена, окончательно окончена и завтра вечером, или, самое позднее, 14-го утром будет послана в Москву. Одновременно я пришлю тебе кое-какие примечания. Если понадобятся переделки, то, как мне кажется, очень небольшие. Самое нехорошее в пьесе это то, что я писал её не в один присест, а долго, очень долго, так что должна чувствоваться некоторая тягучесть. Ну, да там увидим... Дуся, как мне трудно было писать пьесу!»

Обещание было выполнено: 14 октября Чехов отправил пьесу по адресу жены в Москву, о чём известил её телеграммой, и в тот же день писал: «Итак, пьеса послана, получишь её вероятно одновременно с этим письмом. Прилагаю конвертик, прочтёшь, когда познакомишься с пьесой. Немедленно, по прочтении телеграфируй. Отдашь Немировичу, скажешь, чтобы и он прислал мне телеграмму, дабы я знал, как и что. Попроси его, чтобы пьеса держалась в секрете, чтобы она не попалась до постановки Эфросу и прочим. Не люблю я ненужных разговоров... Я читал, что телеграф попорчен от Москвы до Харькова, моя телеграмма опоздает очень. Завтра сажусь писать рассказ, не спеша. Мне не верится, что я уже не пишу пьесы. Веришь ли, два раза переписывал начисто... Если что надумали поставить новое, то пиши мне, роднуля. Всё пиши. Будь здорова, лошадка. Читай пьесу, внимательно читай. В пьесе у меня тоже есть лошадь. Благословляю тебя и обнимаю много раз. Господь с тобой. Твой А.».

Как мы видим из этого письма, сомнение в том, удалась ли ему пьеса, не покидает Чехова и по окончании работы: он просит жену и Немировича-Данченко сообщить по телеграфу об их впечатлениях; он требует, чтобы с пьесой до её постановки не знакомили представителей прессы.

Тот «конвертик», о котором Чехов говорит в письме, заключал в себе листок с краткой характеристикой персонажей «Вишнёвого сада» и с указанием, кому из актёров МХАТ, по мнению Антона Павловича, подходит та или иная роль. Приводим этот листок целиком:

«1. Любовь Андреевну играть будешь ты, ибо больше некому. Она одета не роскошно, но с большим вкусом. Умна, очень добра, рассеяна; ко всем ласкается, всегда улыбка на лице.

2. Аню должна играть непременно молоденькая актриса.

3. Варя — быть может, эту роль возьмёт Мария Петровна (Лилина).

4. Гаев — для Вишневского. Попроси Вишневского, чтобы он прислушался, как играют на биллиарде, и записал бы побольше биллиардных терминов. Я не играю на биллиарде, или когда-то играл, а теперь всё позабыл, и в пьесе у меня всё случайно. Потом с Вишневским мы сговоримся, и я впишу всё, что нужно.

5. Лопахин — Станиславский

6. Трофимов-студент — Качалов.

7. Симеонов-Пищик — Грибунин.

8. Шарлотта — знак вопроса. В четвёртом акте я вставлю ещё её слова; вчера у меня очень болел живот, когда я переписывал IV акт, и я не мог вписать ничего нового. Шарлотта в IV акте проделает фокус с калошами Трофимова. Раевская не сыграет. Тут должна быть актриса с юмором.

9. Эпиходов — быть может, не откажется взять Лужский.

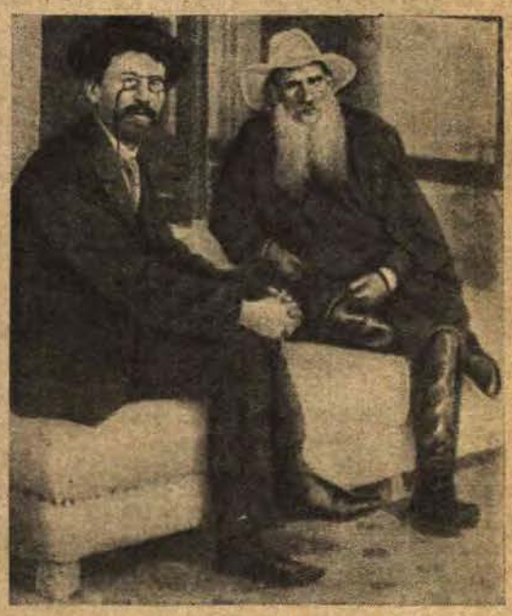
10. Фирс — Артём.

11. Яша — Москвин...»

Последующие письма Чехова дают полное основание считать, что у него оставалось ощущение неоконченности пьесы. 17 октября он пишет к жене: «В пьесе кое-что надо переделать и доделать, для этого достаточно, мне кажется, 15 минут. Не доделан IV акт и кое-что надо пошевелить во II, да пожалуй изменить два-три слова в окончании III, а то пожалуй похоже на конец «Дяди Вани». Если пьеса теперь не сгодится, то не падай духом, лошадка, не унывай, через месяц я её так переделаю, что не узнаешь. Ведь я её писал томительно долго, с большими антрактами, с расстройством желудка, с кашлем». Но уже на другой день Чехов получил от жены телеграмму: «Дивная пьеса. Читала упоеньем, слезами. Целую. Благодарю».

«Вишнёвый сад» начал своё триумфальное шествие на сцене театров.

А. П. Чехов и А. М. Горький.



А. П. Чехов и Л. Н. Толстой.